

Гранатомет проще любви

Речь писателя Александра Кабакова на вручении ему премии журнала «Знамя»

All you need is love — это песня The Beatles.

Они часто не совпадали со своими стихами, но стихи были хороши сами по себе.

Так бывает с поэтами и стихами.

Увы, наш рок не любит любовь. Русский рок любит борьбу. В борьбе побеждает не всегда сильнейший, но всегда злейший — если такого русского слова нет, это ошибка, оно необходимо.

С того времени, как я написал маленькое эссе «Частное слово» — вернее, издал очередной вопль отчаяния и отвращения, вопреки зароку не вмешиваться в текущую дискуссию — прошел год. Стало ясно, что я радикально ошибался в оценках: дела обстоят не так плохо, как я думал, а гораздо хуже. За год я почувствовал, что такое быть отщепенцем не при коммунистической власти (это я знал с детства), а среди свободных людей. Люди, утверждающие, что любят свободу больше всего на свете, могут простить себе подобным многое — не слишком щепетильные отношения с деньгами вплоть до воровства, дурные манеры вплоть до хамства, неразборчивость в знакомствах вплоть до рукопожатия с заведомым подонком... Но другого, чем у них, представления о свободе они не прощают никому и никогда.

Те мои заметки были опубликованы, когда гражданская война в соседнем государстве, странная война, в которой стороны связаны торговыми отношениями, а танки заправляются горючим, которое поставляет противник, война, беспощадная к мирным людям и обходящая убийц, только начиналась... И только начиналась оправдываемая ею травля России всем некогда христианским миром... И гуманнейшие интеллектуалы вместе с благороднейшими политиками еще не обсуждали открытым текстом, как бы принести максимальный вред стране, где мы с вами живем и гражданами которой — многие формально, но все же — являемся... И хлопцы с сомнительными эмблемами на рукавах и касках еще не превратили в руины шахтерский край, и тамошние старики еще получали пенсии, а не умирали от голода и холода... Но уже были предчувствия, а с такими предчувствиями в порядочном обществе не место. Рынок все устроит, говорили мне, либерализм универсален, а патриотизм архаичен и постыден для культурного человека.

И до бойни, устроенной в похабном журнальчике обезумевшими дикарями, еще было далеко. Хотя вообще-то ее следовало предвидеть: схватка между бессовестными провокаторами и оголтелыми параноиками не могла обойтись без крови. Миллионное шествие с президентами во главе недвусмысленно продемонстрировало: сочувствие современного общества на стороне того, кто плюет в лицо оппоненту или измывается над изображением его отца. Свобода слова есть свобода оскорблений. Нагадить в алтаре — художественный акт, гонорар за это в виде пощечины — почти терроризм.

За этот год я окончательно утвердился в том, что знал давно: ни с кем и ни о чем нельзя договориться словами. Можно только заставить — силой или любовью.

Силой многие — и я в том числе — не хотят, да и не могут. Остается любовь. Причем одной твоей любви мало — нужна взаимная, встречная. Значит, надо научиться ее вызывать. Это хлопотно, мучительно, почти невозможно. Но если бы мы хотя бы попытались! Если бы старались... Вызвать любовь тех, кто не хочет нас любить — в этом чистый прагматический расчет: можно было бы достичь своих целей без единого выстрела. Стекла были бы целы в окнах, мальчишке дошкольных лет не оторвало бы обе ноги, и ажана не увезли бы с обычного дежурства в морг...

Есть целая наука возбуждать любовь. Прямолинейные, как штыковые лопаты, принципиальные, как начинающие инквизиторы, борцы называют ее лицемерием.

А это просто готовность любить. Или хотя бы притворяться, что любишь.

Неискренняя любовь лучше искренней ненависти.

Все, что вам нужно, это любовь. Здорово сформулировал тот парень в нелепых круглых очках. А его убили.

Проблема не в том, что мы не умеем любить, а в том, что не хотим учиться.

Гранатомет ведь устроен проще любви.